Д. КЛЕНОВСКИЙ

# Прикосновенье

Мюнхен
1959

# Прикосновенье

## Того-же автора

«Палитра» стихи. 1917. Распродано.

«След жизни» стихи. 1950. Распродано.

«Навстречу небу» стихи. 1952.

«Неуловимый спутник» стихи. 1956.

(Сборники «Навстречу небу» и «Неуловимый спутник» можно приобрести в местных книжных магазинах и представительствах «Посева»).

Д. КЛЕНОВСКИЙ

# Прикосновенье

## ПЯТАЯ КНИГА СТИХОВ

Мюнхен
1959

*МОЕЙ ЖЕНЕ*

Мне не придется «там» писать стихов,
Но вряд ли ремесло свое забуду.
Мне верится, что даже и без слов
Опять, как здесь, служить я слову буду.

Не знаю чем. Как это разгадать,
Земного равновесья не наруша?
Быть может тем, что хочется назвать
Ямбическим прикосновеньем к душам?

Прикосновеньем стройным, как строка,
Которое в душе строку разбудит...
Ах нет, не знаю! Пусть со мной пока
Мечта об этом, затаясь, побудет.

1957

Чем дольше я живу — тем ненасытней я,
Тем с большей жадностью тянусь к усладе здешней.
Пусть ждет меня нектáр иного бытия —
    Я от разлуки с ней всё безутешней.

И радость мне моя последняя горька...
Так в блекнущем саду, где астры холодеют,
Озябшая пчела с последнего цветка
    Пьет скудный мед, сама уже скудея.

К остывшим венчикам она ревнивей льнет,
Неяркий солнца луч ее уже не тешит,
А то, что в улье ждет богатство полных сот —
    Стяжательницы милой не утешит.

1957

Ну да — и рожь! Та расцветает тоже,
Сама как-будто тем удивлена,
И так на все цветенья непохоже,
Что ты не знаешь, что цветет она.

Едва заметным лиловатым дымом
Из края в край всё поле обовьет.
Она цветет, цветет почти незримо,
Почти тайком, но всё-таки цветет.

О, не стыдись! Поговорим о чуде,
О несказанном таинстве земли,
Где все мы, все — поля, деревья, люди —
Хотя бы раз, хоть тайно, но цвели.

1957

## ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Есть зданья неказистые на вид,
Украшенные теми, кто в них жили.
Так было с этим.
                    Вот оно стоит
На перекрестке скудости и пыли.

Какой-то тесный и неловкий вход.
Да лестница взбегающая круто
И коридоров скучный разворот... —
Казенщина без всякого уюта.

Но если приотворишь двери в класс —
Ты юношу увидишь на уроке,
Что на полях Краевича, таясь,
О конквистадорах рифмует строки.

А если ты заглянешь в кабинет,
Где бродит смерть внимательным дозором, —
Услышишь, как седеющий поэт
С античным разговаривает хором.

Обоих нет уже давно. Лежит
Один в гробу, другой, без гроба, — в яме,
И вместе с ними, смятые, в грязи,
Страницы с их казненными стихами.

А здание? Стоит еще оно,
Иль может быть уже с землей сравнялось?
Чтоб от всего, чем в юности, давно,
Так сердце было до краев полно,
И этой капли даже не осталось.

1957

Как бушевали соловьи
Над нашей гоголевской хатой
Луною выбеленной и
Подсолнухами полосатой!

Их было не перекричать!
Но, неуверенно вначале,
Еще пугаясь всё сказать,
Мы их с тобой... перешептали.

Как было хорошо прильнуть
Губами к маленькому уху!
С собой мы взяли в дальний путь
Ту немудреную науку.

И с той поры она для нас
Защитой стала неизменной:
Таким же шепотом сейчас
Мы заглушаем шум вселенной.

1958

Ты была в моей судьбе
Самою хорошею,
И любовь моя к тебе
Стала легкой ношею.

Сколько тропок и дорог
Нами здесь исхожено!
Только скука в узелок
Не была положена.

И на пнях среди зимы
Было много сижено,
Без того, чтоб были мы
Стужею обижены.

Сапожки́ совместных дней
Нами не изношены.
Ты была в судьбе моей
Самою хорошею!

1958

## АНГЕЛУ — ХРАНИТЕЛЮ

С детских лет ты был всегда со мною:
В первой женской бережной руке,
В первой половице под ногою,
В первом солнце на моем виске.

А потом ты шел со мною рядом,
Баловал парижскою весной,
Римским утром, андалузским садом —
И по-русски говорил со мной.

Я тогда не знал тебя. Я думал:
Это я с собою говорю.
Слишком много радости и шума
Заглушало молодость мою.

Но теперь, когда так тихо стало
И вокруг меня и надо мной,
Разгадал я голос, что бывало
Принимал я второпях за свой.

И теперь я знаю: если всё же
Был хоть чем-то в жизни я хорош,
И была на истину похожа
Иногда моя земная ложь;

Если женщин целовал, не раня,
И колосья трогал, не губя, —
Это только след твоих касаний,
Это всё — тобой и от тебя.

И всего мудрей, всегда и снова,
От рассвета до заката дня,
Было то, что ты меня, дурного,
Уберег от самого меня.

1957

Какая-то радость (но кто же
Из смертных ее назовет?)
Нам всё-таки сердце тревожит
И жизнь разлюбить не дает.

Откуда она сохранилась,
Свой луч затаила во мгле,
Последняя чистая милость
На нашей недоброй земле?

Созвездья ль в нее уронили
Свою потаенную пыль?
Пыльца ли в ней утренних лилий
С утраченной райской тропы?

И мы с безымянного детства
Своей неизбывной земли
Того золотого наследства
Истратить еще не смогли.

1958

Не камешком в мозаиках Равенны,
Не багрецом на фресках Ватикана —
Была я лишь клочком веселой пены
На голубых просторах океана.

Но я навстречу парусу взлетела,
С прибрежным рифом, ускользая, билась,
Я смуглой девушки ласкала тело
И в золотой песок, устав, зарылась.

Мой быстрый путь ничем не обозначен,
Моя судьба случайна и мгновенна,
Но я была счастливей и богаче,
Чем все гробницы и дворцы вселенной.

1958

## СТИХИ О СТИХАХ

Они живут какой-то жизнью странной,
Не только той, что нам видна сейчас.
Им не упасть на землю, бездыханным,
Когда рассказчик кончит свой рассказ,
И если даже здесь о них забудут —
Они в нездешнем ждать и медлить будут.

Они войдут какой-то тишиной
В какое-то великое молчанье,
Чтоб после, претворяясь в мир иной,
Земля в себя впитала их касанье,
И наш грядущий Иерусалим
Своим дыханьем был обязан им.

И вот от всех, казалось бы нетленных,
Сверканий клятв и содроганий битв
Останется быть может во вселенной
Лишь этот всплеск ямбических молитв,
Прикосновение к истлевшей лире,
В котором лучшее о лучшем в мире.

1957

Как много есть прекрасного на свете:
Крыло орла, девическая грудь,
Кленовый лист, Риальто на рассвете,
Раздолье Волги, ландыш, млечный путь . . .

И вот еще: прыжок бегущей лани,
Глаза ребенка, парус на волне . . .
Ты видишь сам: не сосчитать названий,
Не перечислить ни тебе ни мне.

И всё-таки не легче ль жить на свете,
Когда ты знаешь, что везде кругом
Есть волны, клены, девушки и дети
И даже просто чей то сад и дом?

Ты говоришь: всё это преходяще!
И ты неправ! Ведь будущей весной
Опять прыжок в зазеленевшей чаще,
Опять подснежник свежий под ногой!

Наш мир в бреду. Он шепчет заклинанья,
Он душит всё, чем жизнь еще права,
Но в мире нет разрушенного зданья,
В котором бы не проросла трава.

1958

Возьми в ладонь свою планету,
Свою привычную звезду,
И молви:
Я предвидел это.
Мы расстаемся. Я уйду.

Но что-то с неуёмной силой
(Ее и смерть не победит)
Меня с тобой соединило
И никогда не разлучит.

Твои тяжелые прибои
Мне солью пропитали рот,
И шрам оставленный тобою
В моей душе не заживет.

Ты будешь ждать меня. Веками
Ты будешь для меня хранить
Свое немеркнущее пламя,
Свою нервущуюся нить.

И я вернусь. Вот в этой точке
Вот этого материка
Восстану в новой оболочке,
Непредрешаемой пока.

Взгляну... И словно в сновиденьи
Предстанет мир передо мной,
Уже в лучах преображенья,
Уже иной, совсем иной.

И верно вовсе и не словом
В том неожиданном краю,
А чем-то несказанно новым
Свои я песни допою.

Ведь для того и бред, и муки,
И судорога этих строк,
Чтоб дольний мир земные звуки
В небесный замысел облёк.

1957

Подснежник узкой льдинкою в горсти,
Как та, через которую прошел он.
Еще он весь морозной тайны полон,
Морозной тайны своего пути.

И пальцы холодя прикосновеньем
Мне греет сердце медленный цветок,
Который лишь терпеньем превозмог
Всю невозможность своего рожденья.

1956

Вчерашней ветки повторенье
В моем распахнутом окне,
Но всё иное: всё — цветенье,
Всё — солнечных лучей биенье
В сиреневой голубизне!

Не так ли ночь и мне поможет
Себя осуществить вполне?
И на заре и я быть может
Совсем другим предстану тоже
В Его распахнутом окне!

1958

Жизнь незаметно, с каждым днем,
Мне всё становится нужнее.
Мы так давно уже вдвоем,
А вот впервой сроднился с нею.

Так в детстве смотришь, не дивясь,
На статуэтку на камине,
И сердца не волнует вязь
Ее давно знакомых линий.

А после как-нибудь возьмешь
И разглядишь ее прилежней
И подпись Мастера найдешь,
Которой не заметил прежде.

И вот особое с тех пор
Ты видишь в ней очарованье,
И для тебя ее фарфор —
Сладчайшей плоти трепетанье.

С тревогой размеряешь срок,
Что ей отпущен быть твоею,
И мыслишь: как я только мог
Всегда не любоваться ею!

1956

Когда, протягивая руки,
Я вижу молодость мою —
Весь сокровенный смысл разлуки
Я просветленно познаю.

Пока она во мне, со мною
И распускалась и цвела,
Пока она совсем нагою
В моих объятиях была —

Ценил ли я ее усладу,
Ее полураскрытый рот?
Нет, нам расстаться было надо
И снова встретиться, — и вот

Она встает передо мною
И приближается ко мне
Всё той же, но совсем иною,
Впервые понятой вполне.

Пускай и мрак вокруг струится
И тяжесть прячется в виске —
Я вижу даже тень ресницы
На розовеющей щеке.

И как я мог в далекой были,
Той ослепительной весной
Не разглядеть алмазных крыльев,
Сиявших за ее спиной!

1958

О, славные содружества поэтов
Благословенной пушкинской поры!
Где ваши клятвы, пылкие приветы,
Беседы и невинные пиры?

Где ваши споры, где ночные бденья
На берегах торжественной реки,
Звенящие, как струны, посвященья,
Упоминанья, краше чем венки?

Всё отошло . . . Мы вам уже не пара!
Мы мелочны, завистливы, скучны,
И даже самым совершенным даром
Развлечены, но не потрясены.

На сердце нам, заветно и глубоко,
Высокой дружбы не легла печать.
Вот почему и радости высокой
В стихах у нас — увы! — не прозвучать.

1958

Приземист лес, и берега пологи,
И море глухо плещет о песок...
Как этот край, и скучный и убогий,
Мне на сердце тяжелой ношей лег!

Как будто где-то в позабытой были,
Меня теперь догнавшей сквозь века,
Уже давно обещаны мне были
И этот плеск и этот хруст песка.

И здесь, сейчас, в глухом уединеньи,
Назначенном зачем-то наперед,
Какое-то земное преступленье
Не торопясь мой путь пересечет.

Но всё мертво, всё пусто, всё безмолвно,
Лишь плеск воды да ветра слабый стон,
И тайный страх уже спадает, словно
Измучивший и отлетевший сон.

Но навсегда запомнится мне этот
Пологий берег, волны и песок
И то, что там осталось без ответа:
Смутивший знак, ненаступивший срок.

1957

Я выпросил звезду у Бога,
Но что мне дальше делать с ней?
Она, чуть вечер, за порогом
Встает над нищетой полей.

И говорит мне:
Я явилась.
Прими меня и приюти!
Я, как ребенок, заблудилась
На неисхоженном пути.

Пусть кто-то вычислил примерно
Мой вес, мой цвет, мои года —
Мы оба знаем: всё неверно!
Я просто нищая звезда!

Не лучше я и не прекрасней
Твоей замученной земли.
В порыве к радости напрасной
Мы с нею вместе отцвели.

Обеих нас поймали люди
В математическую сеть.
Обеих нас никто не любит,
А кто посмеет нас воспеть?

Так говорит она . . . , сказала . . .
И долго слышу я в ночи
Как ось ее скрипит устало
И осыпаются лучи.

1957

Я к Богу с жалобой пришел,
Докучною и неизменной:

— Мне всё-таки нехорошо
На островке Твоей вселенной!

Не потому, что здесь всегда
Любая боль неисцелима,
И пахнут гарью города
И пеплом — волосы любимой,

А потому, что не найду
Я никогда ответа свыше:
Зачем пришел, куда иду
И почему Тебя не слышу.

На всех дорогах бытия
Исхлестанный отцовской плетью,
С Тобой уже торгуюсь я
Несчетные тысячелетья.

Но Ты молчишь. А я — устал.
И всё настойчивей желанье
Навеки заградить уста
Освобождающим молчаньем.

Не спрашивать, а просто ждать,
Свои тысячелетья множа,
Покамест гнев иль благодать
Преобразит иль уничтожит.

1958

Моя душа! Чужою тенью
Ты посетила край земной
И верно только на мгновенья
Бывала счастлива со мной.

В часы отчаянья и скуки
Не ты ли — и всегда права! —
Мои удерживала руки
И стерегла мои слова?

И лишь когда стихи как море
Захлестывали сердце мне,
Ты тоже, радуясь и вторя,
Бывала счастлива вполне.

Что принесет нам наша встреча
В пустынях скудости земной?
Тебя ль мой жребий изувечит?
Меня ль очистит подвиг твой?

Иль встретимся с тобою снова
В далекой мгле грядущих дней,
Зачем-то повторить готовы
Мученья близости своей.

1958

Мне страшно! Мы предоставлены
Почти-что себе самим,
И нехотя водят ангелы
Нас всех по путям земным.

О, есть среди них чудесные,
Усерднее наших пчел,
Вот мой, например, что с песнею
Меня через жизнь провел.

Но больше таких, что ленятся,
А есть — отошли совсем
И бросили душу-пленницу
В добычу всему и всем.

Конечно с них будет спрошено,
Догонит их Божий гнев,
Да только душа, что брошена,
Сгорит на земном огне.

Сама торопя с развязкою,
Чтоб боль оборвать в груди...
Мне страшно! Мой верный, ласковый,
Мой светлый, не отходи!

1958

Когда умрем, поймем мы может быть,
Зачем так много горечи на свете,
Сумеем нашу землю полюбить
И смысл в ее бессмыслице приметим.
Ну а сейчас . . .  — сейчас она грязна,
И нам ее прикосновенье гадко.
Как далеко запрятана она,
Непоправимая ее загадка!
Как далеко! Не вспомнить, не понять,
Не разобраться в смутном сновиденьи,
И чудится, что всё стремится вспять,
К началу, к хаосу, к нагроможденью.
Вот разве только смерть . . . Поверим ей,
Не будем рассудительны и строги!
В расселинах таких же точно дней
Она была помощницею многим.
Всех приютила, всем ответ дала
И, уходя, на некоторых лицах
Оставила легчайший луч тепла —
Стихотворенья на пустых страницах!

1956

После каждой безрассудной ночи,
Каждого бессмысленного дня
Жизнь быстрей становится короче,
Да еще не просто, а дразня.

Шепчет мне:
— а не досадно ль всё же,
Что меня не удержать никак,
Что я та шагреневая кожа,
О которой рассказал Бальзак?

Всю меня, как женщину лелея,
Разодел и разукрасил ты,
Вечность ты мне подарил на шею —
Жемчуг небывалой красоты.

Только я прикинулась твоею,
Лгу, что на тебя не надышусь.
Час придет — тебя не пожалею:
Черной, душной бездной обернусь!

И не лучшим будет ли ответом
На мою улыбчивую ложь,
Если ты тайком меня за это
Неумелой пулей оборвешь?

. . . Шепчет, шепчет, вкрадчиво хлопочет,
Хочет всё уговорить меня —
После каждой безрассудной ночи,
Каждого бессмысленного дня.

1958

Мой испуг, моя земная жалость,
Песня неумелая моя —
Вот и всё, что у меня осталось
От тысячелетий бытия!

Почему так мало? Для чего же,
Всеми вожделеньями горя,
Жизни я мучительные прожил,
Переплыл пустыни и моря?

Сколько мне еще и ждать и верить,
Страны, царства и века считать?
Сколько мне еще в глухие двери
Сердцем, сердцем — не рукой! — стучать?

О, медлительность земной науки,
Трудное земное ремесло!
В темноту протянутые руки,
В пустоте гребущее весло!

Где, когда, каким прикосновеньем
Приобщусь я истины твоей,
Мир мой, бред мой, смутное виденье
Сквозь туман меня томящих дней?

Или проясниться ты не можешь,
Как ни заклинай и ни моли,
И, едва раскрыв их, снова сложишь
Крылья семицветные свои?

И в обжегшем нас на миг сияньи
Мы должны, незрячие, прочесть
Всю разгадку своего скитанья,
Всех свершений огненную весть!

1958

Как земли́ уносишь горсть с собою,
Покидая родину свою,
Так в душе я знание скупое
О стране дожизненной таю.

Ах, его когда-то было много!
Но на долгом, на земном пути
Растерял его я на дорогах,
По которым мне пришлось идти.

И сейчас петлят они всё так же,
Перекрестков и теперь не счесть,
С каждым днем всё глуше, всё бессвязней
Об ином сберегшаяся весть.

Неужели я и дальше буду
Уходить в густеющую тьму,
То, что было, навсегда забуду,
А того, что будет, — не пойму?

1956

Прощаться всего трудней, потому
Лучше всего умереть одному.
Чтоб были только стул да кровать,
Чтоб некого было к себе позвать,
Ничьих не увидеть последних слез,
Чтоб никакой подкроватный пес
В руку, что свесилась, не лизнул,
Солнечный луч в дверь не скользнул,
Бабочка не залетела в окно . . .
О, только бы, только бы не весной!
О, если бы ночью! И чтоб звезда
Упала. Другая . . . Еще . . .
Тогда
Может быть легче будет уйти
По такому —
совсем пустому —
пути.

1957

Потому, что в этой жизни надо
Тело осторожное иметь,
Гордости докучную прохладу,
Разума мучительную клеть —

Мы живем не так, как нам велело
Огненное солнце бытия.
О земные исказив пределы
Жизнь мою, живу ли даже я?

Не бреду ли просто я, теряя
Свой же давний, полустертый след,
Тусклый луч потерянного рая
Принимая за грядущий свет.

1957

От многих лет, от повторенья
Себя перегонявших дней
Остались странные мгновенья
Живыми в памяти моей.

Не те, что облетели розой
Иль напоили из горсти,
А те, что жесткою занозой
Остановили на пути.

Мне наслажденьем тайным стала
Их затихающая боль.

...Вот так шопеновский бемоль
Милей прозрачного хорала.

1957

Те города, где мы не побывали,
Те женщины, что нас не полюбили
И те стихи, что мы не написали —
Нас мучаете до сих пор не вы ли?

Не ваши ли во сне мелькают плечи,
Белеют камни и сияют звуки?
Кто говорит, что если нету встречи —
То не бывать, конечно, и разлуке?

Вот мы не встретились . . . Но, замирая
В какой ревнивой и глухой обиде,
Я думаю о вас, хоть никогда я
Не целовал, не пел вас и не видел.

1957

В одну из тех ночей, когда,
Откинувшись, как для глотка,
Ты жаждешь неба, а звезда
Так безнадежно далека —

Не радостно ли ощутить
Плечо любимой у плеча,
Ту близость, без которой жить
Не стоит, — скажешь сгоряча.

А между тем никто нигде
Тех двух пространств не превозмог,
И путь к любимой и к звезде
Так одинаково далек!

1958

Мы все так делали. Мы всякий дар земли
Нетерпеливо отвергали.
Мы лучших девушек не сберегли
И лучших писем не послали.

Мы перепробовали всех отрав,
А горный ключ был скрыт от взора.
Самих себя беспечно обокрав
Мы так и не узнали вора.

Пусть он сейчас стоит передо мной —
Что пользы в этой поздней встрече?
Что с у́тра спрашивать, когда давно
Кругом непоправимый вечер!

1956

Встретились, как с многими встречались —
В тусклый день и равнодушный час,
И сперва еще не разобрались:
Началась любовь, не началась?

Но уже, как если бы в поруку,
Ты тогда мне руку отдала,
Милую, встревоженную руку,
Ту, что никогда не солгала.

Задержалась только на мгновенье,
На почти неуловимый срок,
Так что смысл того прикосновенья
Разгадать я лишь сегодня смог.

. . . Надо в мыслях чаще возвращаться
К отгоревшим, отшумевшим дням,
И в золе их мы найдем богатства,
Что в огне не просияли нам.

1958

В талом небе такие мокрые,
Акварельные облака.
...Мог ли я сомневаться, мог ли я
Не поверить, что ты близка,

Если так хорошо и весело
Ты умела ко мне прильнуть,
Медный крестик с моей повесила
На свою золотую грудь?

...В мутном небе такие влажные,
Акварельные облака.
...Важно ли, что была ты, важно ли,
Что слабела в моих руках,

Если вот вспоминаю редко я
И так нехотя о тебе,
Если ты раскаленной меткою
Не осталась в моей судьбе?

...В бледном небе совсем туманные,
Акварельные облака.
Почему меж других — не странно ли? —
Эта путается строка?

Или ею напоминается,
Что всё лучшее навсегда
Разлетается, расплывается,
Растворяется без следа.

1958

Нас было двое. Женщина была
Веселой, молодой и рыжеватой,
Умела лгать и изменять могла,
Не быв притом ни разу виноватой.
Теперь она... — но нет, мне легче с ней
На «ты»! — теперь ты всё уже забыла:
Как целовала с каждым днем скучней,
Как мучила меня и как убила.
Нет, не сама, конечно! Кто теперь
Сам убивает? Я отлично помню,
Как ты на выстрел распахнула дверь
И кинулась ко мне, и как легко мне
Внезапно стало: я в твоих глазах
Прочел всё то, во что уже не верил —
Недоумение, и боль, и страх,
И чувство горькой все-таки потери.
...О, если бы из тишины моей,
Из моего прекрасного свершенья
Вернуться снова в ужас этих дней,
Изведать снова всё твое презренье,
Всю ложь прикосновенья твоего
И как последнюю земную милость
Спустить курок — всё только для того,
Чтоб ты опять вот так ко мне склонилась.

1956

Возможно, если бы украдкой
Я снова побывал в былом,
Я разглядел бы недостатки
В далеком облике твоем:

В разрезе глаз, и в цвете кожи,
И в очертаниях груди —
Во всем, на что, когда моложе,
Мы, собственно, и не глядим,

В своем великом нетерпеньи
Влюбляясь, нужно или нет,
Уже в одно прикосновенье
Семнадцати девичьих лет,

Когда неловкая Диана,
Ступив на вешнюю траву,
Для первой, неумелой раны
Стрелу вправляет в тетиву.

1958

Я думал до сих пор, что наша
Давно развязанная связь
Хотя была других не краше,
Но всё же в сердце сбереглась.

И вот недавно, в день погожий
Бродя по улице пустой,
Как заблудившийся прохожий
Я вышел к истине простой:

Что всё давным-давно забыто
И окончательно мертво,
Что сердце на могильных плитах
Не написало ничего.

Нет, не подумай, я не плачу,
Я просто на ущербе дней
Одною истиной богаче,
Одною радостью бедней.

1958

Ну что же, вспомним зимний полдень, дом
И на паркете отблеск розоватый,
Неву в сияньи снежном за окном,
А между рам — стаканчики и вату.
И пармские фиалки у окна,
Махровые, бледней обыкновенных.
Как я любил их! Как была нежна
Их лиловатая голубизна
На фоне бледных зорь, закатов пленных
И желтой мути петербургских зим!
Как этот фон для них неповторим!

Тот магазин, где все их покупали
В те годы, назывался Fleurs de Nice.
Я помню поручни, ступеньки вниз
(Он почему-то был в полуподвале)
И сквозь заиндевевших стекол блеск —
Нежнейших красок приглушенный всплеск.

Вот, как тогда, вхожу я в этот душный
И влажный погреб . . .

Почему здесь ты?
Всё так же весела и равнодушна,
На грани красоты и пустоты.

Где ты теперь, мой первый неприятель
В смертельных схватках с призраком любви?
Тогда я сердце на тебя истратил,
Сегодня — ты чужая мне. В крови
Твой образ и легчайшего волненья
Не в силах вызвать. Даже те цветы,
Что я дарил тебе, чье имя — тленье,
Живее и желаннее, чем ты.
Что ж, отвернись с усмешкой, как бывало,
И отойди! Не заслоняй фиалок!

1957

Сколько раз я нарушал обычаи
На извечном празднике любви!
Сколько раз в моем косноязычии
Захлебнулись радости мои;

Сколько раз засматривался молча я
Там, где нужно было подойти,
Сколько раз другие хваткой волчьею
Крали женщин с моего пути.

И за это горькое незнание
Как любить быстрей и веселей —
Я казнен теперь воспоминанием,
Самой страшной казнью на земле.

1957

Когда бы жизнь пришлось начать сначала —
Пусть будет снова именно такой:
Доверчивой, как путник запоздалый,
Беспомощной, как стебель под рукой.

Не уклонюсь ни от единой боли,
Ни от одной из казней и обид.
Пусть снова и согнет и приневолит
И жалостью ненужной оскорбит.

Всё для того, чтобы опять и снова
Изведать, задыхаясь и спеша,
Прикосновение карандаша
К трепещущему, пойманному слову.

1956

## ОГЛАВЛЕНИЕ